

И. А. БОЧАРОВА

**К истории создания второй редакции
очерка М. Горького «В. И. Ленин»***

Текстологический анализ художественного произведения и его редакций, если таковые имеются, чаще всего преследует цели эдиционные: какой текст печатается, в каком типе издания и в какое время. Но такой анализ имеет целью и изучение истории текста и потому неизбежно проникает в художественную лабораторию писателя: в «тайное тайных» и поиск ответа — как произведение создано. Здесь и подстерегает текстолога особая сложность.

Статья не имеет задачей представить полную историю текста второй редакции очерка Горького о Ленине, поскольку не изучены все печатные источники, в том числе иностранные. Мы лишь хотим остановиться на неизвестных ранее архивных документах, позволяющих дополнить и прояснить текстологическую историю второй редакции очерка, как она изложена в комментарии к т. 20 последнего собрания сочинений 1974 г.¹ Текст ее с 1930 г. был признан единственно подлинным и до 1990-х гг. печатался во всех изданиях.

Вторая редакция очерка была создана в 1930 г. — через шесть лет после того как Горький, получив известие о смерти Ленина, тут же сел писать о нем свои воспоминания. Этот текст был впервые опубликован с названием «Владимир Ленин» в журнале «Русский современник» (1924. № 1 (май)) и затем перепечатывался дважды (Собр. соч. М. Горького. Т. XIX. Берлин, 1927; в Собр. соч. М. Горького. Т. XX. М., 1928) с восстановлением по беловому автографу сокращений,

* Впервые: Текстологический временник. Русская литература XX века: вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 135–147.

¹ Речь идет об издании: *Горький М.* Полн. собр. соч. Художественные произведения: в 25 т. М., 1968–1976. Далее при цитировании т. 20 указываются только страницы тома в круглых скобках.

допущенных в журнале (см. ст. Л. Иокар «К истории публикации первого варианта очерка «В. И. Ленин»»)².

В 1928 г. Горький после семи лет пребывания за границей приехал в Москву, и этот год стал вехой на пути его сближения с СССР. Государственное издательство в этом году начинает 23-томное — Юбилейное (в связи с 60-летием писателя) — собрание его сочинений под редакцией А. Луначарского и И. Груздева. Горький приехал в мае, а уже в мае-июле выходят первые тома, а далее выпускаются оперативно том за томом. Но когда в 1929 г. подходит срок подписания к печати XXII тома, куда входили «Воспоминания. Рассказы.

Заметки», и в их числе «Владимир Ленин», происходит задержка, которая и послужила причиной пересмотра очерка 1924 г. и возникновения новой его редакции.

В комментарии т. 20 последнего ПСС (1974) указано: «Поводом для нового обращения автора к тексту произведения о Ленине послужило обращение Госиздата...». Далее приводится цитата из письма к Горькому заведующего ГИЗом А. Халатова от 27 марта 1930 г. с просьбой пересмотреть и отредактировать очерк с учетом их замечаний. Приведенная цитата не давала ясности о том, какие надо учесть «замечания» и в каком направлении редактировать текст. Письмо Халатова, публикуемое ниже целиком впервые, ответит на эти вопросы.

Дорогой Алексей Максимович!

Сдали мы по Госиздату в набор 23 тома Ваших произведений за исключением 22-го тома, включающего воспоминания и заметки о Чехове, Л. Толстом, Л. Андрееве, Короленко, Ленине, Красине и др. По поводу этого тома мы решили предварительно с Вами посоветоваться, так как он вызывает у нас некоторые сомнения.

Больше всего нас тревожат Ваши воспоминания о Ленине. Ведь собрание Ваших сочинений является изданием массовым: оно идет стотысячным тиражом к рабочему читателю. К Вашему слову этот читатель прислушивается с особым вниманием. Это не слова: Вы имели возможность убедиться во время Вашего пребывания в СССР. Учитывая это обстоятельство, нужно ли, например, Ваше свидетельство об отношении Ленина к Троцкому («...а вот показали бы другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов...»). За время, истекшее с момента написания Вами этих строк, произошло так много перемен. Мы не хотели бы

² Иокар Л. К истории публикации первого варианта очерка «В. И. Ленин» // М. Горький и его эпоха. Материалы и исследования. Вып. 4. М., 1995. С. 86–90. На наш взгляд, автор статьи неверно называет воспоминания Горького о В. Ленине, написанные в 1924 г. (именно о них идет речь), «первым вариантом очерка» «В. И. Ленин» 1930 г. На самом деле они, конечно, представляют собой самостоятельное законченное произведение.

в массовом издании дать материал, используя который, тайные и явные троцкисты получили бы возможность прикрывать свои позиции Вашим именем.

Мы, конечно, знаем, что у очень больших людей свои «слабости». Но еще так мало времени прошло со дня смерти Ленина, еще не пришло время писать о нем все, и особенно, писать в массовом издании. Еще так мало у нас культуры, подлинного интернационализма в рабочей среде — и тут могут быть ложно истолкованы сделанные Вами вскользь такие замечания: «был он насквозь русским человеком», «с хитрецей Василия Шуйского, с железной волей протопопа Аввакума, с необходимой революционеру прямолинейностью Петра Великого», или слова Ленина «русский умник почти всегда еврей или человек с примесью еврейской крови». Антисемитизма у нас еще много. Наши взаимоотношения с национальностями очень сложны и трудны — и всякие подчеркивания Вами в Ленине черты «гордости Россией и русскими» несомненно будут использованы антиленинцами. Мы не хотели бы также Вашими устами утверждать в рабочем читателе мнение, что Ленин «был типичным русским интеллигентом», что «Ленин понимал драму бытия несколько упрощенно». Еще труднее нам приводить Ваши опасения, «что и любовь к Ленину у многих только темная вера измученных и отчаявшихся в чудотворца...». Это, конечно, не так.

Совершенно не своевременны Ваши самообвинения в том, что Вы «очень сомнительный марксист» и, что Вы «расходитесь с коммунистами» по основным вопросам. Мы бы не хотели вооружать своих врагов такими вашими устаревшими признаниями...

Есть еще в Ваших воспоминаниях о Ленине ряд мелочей, которые в массовом издании вряд ли могут быть признаны оправданными; вы, несомненно, почувствуете их сами, просмотрев эту статью.

Вашей статьей о Ленине мы очень дорожим. Но мы просим Вас ее пересмотреть и проредактировать, учтя наши замечания. Вы знаете, как осторожно мы относимся к каждому слову о Ленине и Вы не осудите нас за то, что мы вынуждены обратиться к Вам с этой настоятельной просьбой.

Поскольку Вам придется заняться пересмотром 22 тома «Воспоминаний и заметок», не найдете ли Вы возможным попутно перечитать и свои статьи о Толстом. Приходится иметь в виду, что в массах еще есть немало колеблющихся и что толстовцы и др. сектанты ведут у нас широкую пропаганду антиреволюционных идей, прикрываясь толстовским авторитетом. Поэтому необходимо, чтобы Ваши высказывания о нем не были поняты как поддержка взглядов Толстого и его учения.

Я убежден, дорогой Алексей Максимович, что Вы меня поймете и потратите время на просмотр 22-го тома.

Сделайте это поскорее, чтобы не задержать издания, которое мы спешим закончить. Жду Вашего мнения по затронутым нами вопросам.

Крепко жму руку.

Ваш Арт. Халатов

27. III. 30³

³ Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН (далее — АГ). КГ-п-83а-1-88.

Письму Халатова, однако, предшествовал другой документ, не менее любопытный и публикуемый также впервые. 20 декабря 1929 г. датировано письмо редактора Госиздата литературного критика Г. Нерадова (Шатуновского), в котором он сообщал о том, что не решается подписать к набору том собрания сочинений Горького, в который включены его воспоминания о Ленине, заставляющие «очень насторожиться». Письмо Г. Нерадова направлено заведующему отделом издательства, копия направлена А. Халатову.

Г. Б. Нерадов (Шатуновский)
А. Б. Халатову

Заведующему литературно-художественным отделом

Копия: тов. Халатову

Том XXII собрания сочинений М. Горького — «Воспоминания, заметки» — я, в качестве внутреннего редактора Литхуда, никак не решаюсь подписать к набору.

В томе, носящем преимущественно публицистически-мемуарный характер, наиболее выпукло выражены романтически-идеалистические тенденции автора. Личность и творчество Толстого даны в обрисовке мало соответствующей выводам марксистской критики в юбилейные дни. Статьи о Толстом написаны до переоценки революционных годов, когда сам Горький еще не достиг ступеней нынешней зрелости и вместе со всей либеральной интеллигенцией фетишировал «яснополянского мудреца».

Воспоминания о Каронине-Петропавловском, Короленко, Гарине-Михайловском очень ценны, но также написаны в идеалистических тонах, без проникновения в характер эпохи, с ясной установкой на самодовлеющий биографизм. Леонид Красин заштрихован поспешными мазками, кажущимися несколько поверхностными после имеющих теперь о нем материалов. Есенин выглядит слишком сусальным и не видно его корней.

Принимая, однако, во внимание вполне установившуюся литературную репутацию Горького, может быть и следовало бы дать в неприкосновенном виде все эти воспоминания, ограничившись лишь маленьким предисловием Госиздата, осторожно отмежевывающимся от идеалистическо-либеральных характеристик автора. Но включение в том воспоминаний о В. И. Ленине заставляет очень насторожиться и отнестись к вопросу о содержании 22-го тома с необходимой жесткостью.

Под маркой института Ленина и под редакцией Л. Б. Каменева вышел ряд воспоминаний о Ленине (Крупской, Цхакая, Ворошилова, Сафарова, Шотмана, Пятницкого и др.). В издании Госиздата под редакцией Н. Л. Мещерякова вышли книги воспоминаний об Ильиче, содержащие авторитетные статьи Кржижановского, Адоратского, Раскольниковца,

Бухарина, Ганецкого, К. Цеткин, Аникст и др. По этим воспоминаниям советский читатель получал о Ленине законченное представление, как о железном вожде пролетариата. Воспоминания М. Горького колеблют это устоявшееся представление. Ленин дан в тех же слащаво идеалистических тонах. Из-под пера Горького он выглядит полуразмягченным интеллигентом и прекрасным человеком (с большой буквы). Некоторые черточки даны с излишней подчеркнутостью (любовь ко всему русскому).

Подход к личности Ильича — метафизически обывательский. Есть ли достаточно оснований и нужно ли выпячивать Ленина в массы в октябрьские дни? Есть ли смысл в массовом художественном издании приводить блестящие отзывы Ленина о Троцком в интерпретации столь авторитетного автора?

Привожу отдельно (на обороте сего) ряд выдержек из статьи Горького о Ленине. По моему глубокому убеждению, статья эта в нынешней редакции в массовом издании Госиздата — появиться не должна.

Я предлагаю:

1. От имени А. Б. Халатова срочно обратиться к Горькому с дружеской просьбой срочно пересмотреть и переработать 22-й том, особенно статью о Ленине. Надо полагать, что в настоящее время Алексей Максимович пойдет навстречу Госиздату, убедившись, что статья его, в свое время вызвавшая жестокие нападки, сильно устарела и не отвечает сегодняшним запросам не только партийца, но и рядового массового читателя.

2. Срочно, внутренним порядком поручить авторитетному критику-коммунисту (Лебедеву-Полянскому, Раскольникову или Керженцеву) контролировать 22-го тома, а также написать предисловия и комментарии к статьям. Комментарии к воспоминаниям о Ленине мог бы дать Л. Б. Каменев или Крупская.

Редактор Лит.-Худ. Отдела Г. Нерадов⁴

20 декабря 1929 г.

Халатов обратился к писателю не сразу; видимо, он какое-то время обдумывал полученный сигнал «тревоги», выбирая более корректный и уважительный для обращения со столь «дружеской просьбой». Сохранилась копия его письма с датой 2 марта⁵, но послано было письмо лишь 27 марта.

Горький по получении письма Халатова в конце апреля телеграфировал П. Крючкову: статью «сократил и послал Халатову»⁶. Не получив, вероятно, этого сообщения, Халатов повторил свою просьбу,

⁴ Подлинник в РГАЛИ. Ф. 613, оп. 1, ед. хр. 4257, л. 22; копия: АГ. КГ-риз-9-110-1. Шатуновский Г. (1876-1972), псевд. Нерадов — литературный критик, публицист. Автор небольшой брошюры «Народ у Толстого» (Огонек. 1929).

⁵ АГ. КГ-п-83а-1-85.

⁶ АГ. КГ-2 Ia-1-284.

послав новое письмо с ехавшим в Сорренто Крючковым: «Я давно уже послал Вам через диппочту письмо по поводу 22 тома Вашего собрания сочинений, но не получил ответа. В этом письме прилагаю копию и прошу Вас поскорее ответить»⁷. Письмо, посланное с Крючковым, не сохранилось. Спустя полмесяца Горький ответил:

...исправляя статью о В. Ильиче, я, кажется, не вычеркнул все те места, которые указаны в В<ашем> письме. Это случилось потому, что я правил статью не по письму, которое привез Крючков, а по первому Вашему письму на Римское полпредство.

Предлагаю Вам поручить кому-нибудь, *пусть уберут фразы, отмеченные во втором В<ашем> письме* <курсив наш. — И. Б.>. Сам я не могу сделать этого потому, что не имею книги «Воспоминаний», да и не хочу задерживать работу на 12 дней.

Поставив дату: 16.V.30, Горький приписал: «Да и — некогда, некогда мне!»⁸. Чувствуется раздражение на вмешательство гизовских редакторов и в без того загруженную жизнь писателя.

28 мая, вернувшись из отпуска, Халатов ответил: «Ваши замечания относительно дополнительной правки статьи о В. И. будут сделаны, когда получу гранки этой статьи из печати»⁹. Вместе с письмом от 28 мая Халатов послал Горькому письмо Н. Крупской и две ее брошюры. Ее письмо от 25 мая, знакомство с ее воспоминаниями о Ленине и последовавшая переписка с нею стали дополнительным стимулом к пересмотру Горьким своих воспоминаний¹⁰. И к середине июня 1930 г. вторую редакцию очерка можно считать написанной. «Воспоминания переделаны. Высланы Крючкову сегодня. 13.VI-30» — телеграфировал Халатову Горький¹¹.

Но не прошло и недели, как он шлет новую телеграмму Крючкову с просьбой «подождать печатать» очерк о Ленине¹². Телеграмма отслана 19 июня, а на следующий день — письма Халатову и Крючкову с объяснением просьбы.

Дорогой Артемий Багратович — убедительно прошу приостановить печатание «Воспоминаний о Ленине» и выслать мне их для дополнения. Отзыв Ильича о Троцком вычеркивать — не стану, потому что, прочитав автобиографию Троцкого, вижу: его отношение к Ильичу — безукоризненно. Но дело не только в этом, а в том, что книга Троцкого напомнила

⁷ АГ. КГ-п-83а-1-89.

⁸ АГ. ПГ-рл 48-15=55.

⁹ АГ. КГ-п-83а-1-92.

¹⁰ Летопись жизни и творчества М. Горького. Вып. 4. М., 1960. С. 29, 32-33.

¹¹ Архив А. М. Горького. М. Горький и советская печать. Т. X. Кн. 1. М., 1964. С. 206.

¹² АГ. ПГ-рл 21 а-1.

мне несколько эпизодов и замечаний В. Ильича, и я должен их ввести в текст. *Все остальное не имеет значения* (курсив наш. — И. Б.), но о Троцком необходимо оставить. Привет. А. Пешков. 20 VI. 30 (А. Халатову)¹³.

Дорогой П. П. — я сделал непростительную глупость, вычеркнув из «Воспоминаний о Ленине» его отзыв о Троцком. Далее: я предлагаю задержать выпуск «Воспоминаний», потому что могу дополнить их теперь, имея в руках письмо Н. К. Крупской, в котором она свидетельствует, что со мной «Ильич говорил о себе больше, чем с кем-либо». Если книга уже напечатана — надобно остановить выпуск ее в продажу и «Воспоминания» вырезать. Это совершенно необходимо, потому что глупость моя — отвратительна (П. Крючкову)¹⁴.

Речь шла о следующем месте в воспоминаниях — об оценке Лениным Троцкого:

Удивленный его лестной оценкой, я заметил, что для многих эта оценка оказалась бы неожиданной.

«Да, да — я знаю! Там что-то врут о моих отношениях к нему. Врут много и, кажется, особенно много обо мне и Троцком».

Ударив рукой по столу, он сказал:

«А, вот, показали бы другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию, да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть. У нас все есть! И — чудеса будут!»¹⁵.

Этот текст из воспоминаний о Ленине 1924 г. — при подготовке новой редакции в 1930 г. был вычеркнут и заменен другим вариантом:

Я был удивлен его высокой оценкой организаторских способностей Л. Д. Троцкого — Владимир Ильич подметил мое удивление.

— Да, я знаю, о моих отношениях с ним что-то врут. Но — что есть — то есть, а чего нет — нет, это я тоже знаю. Он вот сумел организовать военных спецов.

Помолчав, он добавил потише и невесело:

— А все-таки не наш! С нами, а — не наш. Честолюбив. И есть в нем что-то... нехорошее, от Лассалья... (46–47)

В приведенных письмах Халатову и Крючкову Горький и назвал эту замену «непростительной ошибкой».

29 июня Крючков, сообщая, что статья «В. И. Ленин» выслана в Сорренто, добавлял: «Хотел добыть экземпляр с Вашими собственными исправлениями, но не нашел, где-то путешествует в Госиздате, взял

¹³ АГ. ПГ-рл 48–15–59.

¹⁴ АГ. ПГ-рл 2Ia-1–298.

¹⁵ АГ. ХПГ-36–4–5 С. 25 (34–35).

типографский экземпляр. Книга набором приостановлена до возвращения статьи от Вас»¹⁶. Вероятно, посланный Крючковым экземпляр был тем самым источником, который в комментариях к «В. И. Ленину» назван АМ₁ (527). Страницы АМ₁ отражают один из первых этапов авторской работы над созданием редакции 1930 г. В конце страницы 25 (34) текст о Троцком в ранней редакции 1924 г. зачеркнут синим карандашом; на полях, против этого места, — уже в июле, — Горький четко красным карандашом написал: «Восстановить» <sic!> Но на следующей (машинописной) стр. 35 новый вариант не вычеркнут. Таким образом, в этом месте АМ₁ зафиксирована неоконченная правка автора. 13 июля 1930 г. Горький отправил исправленные и дополненные воспоминания Крючкову с просьбой сделать и прислать ему копию («...прошу усиленно о тщательности копии»)¹⁷. Так возник новый машинописный текст — АМ₂ (стр. 527), и в нем ранний вариант отзыва Ленина о Троцком восстановлен не был. В окончательном тексте редакции 1930 г. он также отсутствует. Просьбой Горького просто пренебрегли, несмотря на письма.

Следует сказать, что среди сохранившихся в Архиве А. М. Горького источников текста второй редакции (527) нет полного автографического текста редакции 1930 г., как нет и экземпляра с авторскими исправлениями, а в имеющихся машинописных копиях (М₁ и М₂) иногда с трудом можно установить, что именно внес в текст сам Горький, а что редакторы. Во всяком случае, как явствует из его писем Халатову от 16 мая и 20 июня, определенный карт-бланш редакторы от него получили.

Условия, в которых перерабатывались воспоминания о Ленине, были для Горького чрезвычайно трудны и неудобны. Он жил в Сорренто, в 1930 г. в СССР не приезжал, переговоры вел исключительно по переписке, иногда через посредника — П. Крюčkова. Это был трудный и переломный исторический момент как в его биографии, так и в биографии страны. Для осуществления своих огромных журнально-издательских планов и для завершения «Жизни Климá Самгина» он нуждался в поддержке со стороны власти и прямо в лице ее главной фигуры — И. Сталина. Но и Сталину он был нужен для влияния «на собственную оппозицию и на мировое общественное мнение»¹⁸.

В январе 1929 г. уже был выслан из страны Л. Троцкий, в 1928 г. первые партийные взыскания получили Зиновьев и Каменев, отбыв

¹⁶ АГ. ПГ-п-41а-1-95.

¹⁷ АГ. ПГ-рл-21а-1-302.

¹⁸ Подробнее см. в кн.: Спиридонова Л. М. Горький: новый взгляд. М., 2004. Гл. 8: «Триумф или трагедия? Горький на родине». С. 121.

ссылку в Калуге. Весь 1930-й шли аресты правой оппозиции, возглавляемой Н. Бухариным, М. Томским и А. Рыковым, который в декабре 1930 г. был выведен из состава Политбюро и смещен с поста председателя Совнаркома¹⁹.

Подготовка 22 тома Юбилейного горьковского собрания сочинений проходила на фоне кардинальных перемен в культурной жизни страны, и в том числе в издательском деле, о чем Горького информировал постоянно А. Халатов. Монополизация «книжно-издательского дела» шла параллельно с установлением тотального цензурного контроля над печатью. Исследователь и знаток многих документов Главного политического управления и других контролирующих инстанций печатной продукции А. Блюм свидетельствует, что цензоры ГИЗа в 1930-е гг. претендовали на «роль окончательной инстанции не только в чисто политической сфере, но и сугубо литературной, художественной... настойчиво возвращая на переделку рукописи и раз, и два, и три...», чтобы выполнить требования Политотдела²⁰. Письмо Г. Нерадова — красноречивый пример такого редактирования, где редактура политическая сливалась с общередакторской, вторгаясь в лабораторию писателя.

В этой обстановке проходило и создание новой редакции горьковского очерка о Ленине. Ее стимулом были не внутренние потребности автора, а прежде всего внешние госиздатовские требования создания нового образа вождя. Это политическое насилие раздражало Горького, но в то же время многое в требованиях со стороны Госиздата, обстоятельно политически аргументированных, было Горькому в 1930 г. понятно, и цензурная правка редакторов частично совпадала с его собственной автоцензурой.

В комментарии к очерку, дело представлено так, что новая редакция была вызвана творческой потребностью автора, его неудовлетворенностью редакцией 1924 г. В подтверждение приводится выдержка из письма Горького к М. Павловичу от 29 декабря 1925 г., в котором он признавался, что «написал о Владимире Ильиче плохо» и так объяснял причину этого: «Был слишком подавлен его смертью и слишком поторопился выкричать мою личную боль об утрате человека, которого я любил очень. Да» (530).

Выдержка приведена со значительной купюрой, меняющей весь смысл «объяснения». Без купюры текст читается так: «*Но Троцкий*

¹⁹ Подробнее см. вступительную статью Е. Никитина к публикации «Письма Н. Н. Суханова Горькому» (См.: Горький в зеркале эпохи (неизданная переписка). Вып. 10. М., 2010. С. 407–414).

²⁰ Блюм А. За кулисами «Министерства правды». СПб., 1994. Гл. «Политотдел Госиздата РСФСР». С. 55.

прав, — я написал о Владимире Ильиче плохо. Был слишком подавлен...» — и далее по тексту (курсив наш. — И. Б.).

В комментарии, таким образом, причина критической самооценки Горького не была связана с откликом Троцкого на его очерк. Речь шла, конечно, о статье Л. Троцкого «Верное и фальшивое о Ленине. Мысли по поводу горьковской характеристики» («Ленинградская правда», 1924, 7 и 8 окт.)²¹. Она и вызвала автокритику автора в письме 1925 г. Вслед за письмом к Павловичу там же, в комментарии, приведена противоположная оценка статьи Троцкого:

Суждения Льва Троцкого по поводу моих воспоминаний о Ленине написаны хамовато по моему адресу и с неожиданным для меня цинизмом демагога... Не хочет ли Троцкий, рисуя Ленина таким топором, таким «революционером без оглядки», взвалить именно на него всю тяжесть ответственности пред историей за «разбитые горшки»? <...> Когда-то Троцкий грозил: «Если мы уйдем, то хлопнем дверь так, что вздрогнет весь мир»... Сейчас — что-то иное. Из каких побуждений? Троцкий — наиболее чужой человек русскому народу и русской истории (535).

К сожалению, ни дата, ни источник «записи» не указаны. Но противоречие налицо. Содержание «записи», если в нее вчитаться, не вызывает сомнения, что написана она не в 1924 или 1925 гг., сразу по прочтении статьи Троцкого, а значительно позже: уже после высылки Троцкого из СССР в январе 1929 г. (ср.: «Сейчас — что-то иное»). Водном из писем Крючкову 1929 г. Горький назвал публикации Троцкого за границей, после его высылки, «жалобными статейками», где тот «начинает шаркать пред буржуазией». Можно предположить, что эта заметка — один из черновых набросков начального периода работы над второй редакцией, — периода, когда Горький допустил ту самую «непростительную ошибку», зачеркнув из первоначального текста очерка «лестную оценку» Троцкого — как организатора Красной армии.

Очерк «Владимир Ленин» в редакции 1924 г. перепечатывался и далее без каких-либо авторских изменений и каких-то протестов автора. И поэтому нет достаточных оснований утверждать, что Горький имел авторские стимулы к созданию новой редакции очерка и нового портрета вождя в 1930 г. Подкрепляющих свидетельств тому не имеется.

Вернемся к вопросу: почему писатель с таким беспокойством настаивал на восстановлении первоначального варианта текста

²¹ Статья перепечатана: Литература в школе. 1992. № 2. С. 42–46. Далее при цитировании указываются страницы в квадратных скобках.

о Троцком в очерке? Ответить на этот вопрос, а также пролить некоторый свет на противоречия и колебания Горького в оценке статьи Троцкого поможет обращение к самой этой статье, которую комментаторам ни прочесть, ни, тем более, писать о ней в советское время было невозможно.

Прежде всего отметим, что отношение Троцкого к горьковскому портрету Ленина весьма неоднозначно, о чем говорит само название его статьи. Разбирая горьковский образ, Троцкий создает собственный цельный и яркий портрет, на что имеет, конечно, как и Горький, свои основания: оба знали живого Ленина, временами были его союзниками, временами — оппонентами, оба имели личные впечатления. Троцкий рисует портрет пером политика, Горький — кистью художника. Из горьковского портрета Троцкий берет отдельные характеристики («совершенное воплощение воли, устремленной к цели», «воинствующий оптимизм»), но в целом его портрет создается полным отрицанием человеческих черт, на которых строится портрет у Горького: «подвижничество», жертвенность ради великой цели, аскетизм до «самоистязания», совестливость, необходимость иногда «держать душу за крылья» и т.п. — все это, по Троцкому, фальшиво и просто смешно. У Ленина, по Троцкому, «не было и не могло быть отношения к людям, книгам, явлениям вне единой железной цели», вне «политического расчета» [43]. «Это Ленин-то типичный русский интеллигент? Разве это не курьез, не насмешка и притом чудовищная?» — основное несогласие Троцкого. Он цитирует из Горького: «Я не помню случая, когда бы Ильич отказал мне в моей просьбе. Если же случалось, что они не исполнялись, это было не по его вине, а вероятно по силе тех проклятых “недостатков механизма”, которыми всегда изобильна неуклюжая машина русской государственности». Троцкий в ответ на это:

Действительно ли Ленин был бессилён преодолеть недостатки механизма в таком простом вопросе, как освобождение от ареста и кары? Сомнительно. Не проще ли допустить, что Ленин... просто не вступал с Горьким в препирательства, а затем предоставлял советскому механизму, со всеми его мнимыми и действительными недостатками, выполнять то, чего требовали интересы революции? Не так уж был прост и не так уж был прям Ильич, когда ему приходилось отбиваться от мещанской сантиментальности. Внимание к человеку у Ленина было гигантское, но оно было целиком подчинено вниманию к человечеству, судьба которого сливается в нашу эпоху с судьбой пролетариата. Без этого подчинения частного общему Ленин, может быть, и был бы праведником, приносящим себя в жертву ради любви и красоты, но никак уж не был бы Лениным, вождем большевистской партии, автором октябрьского переворота [45].

В слабом, по его мнению, портрете вождя Троцкий все же заметил некоторые «художественные проникновения», передающие «подлинную частицу живого Ленина»: «обаятельность ленинского смеха», «азарт юности» и еще целый ряд характеристик. Сопоставление двух портретов могло бы быть специальной темой, но мы хотим выделить то, что непосредственно имеет отношение к возникновению второй редакции горьковского очерка.

А именно: в критической части статьи Троцкого на удивление много совпадений с аргументами редакторов ГИЗа, требовавших от Горького устранения «нежелательных» и сомнительных на их взгляд в 1930 г. характеристик. Некоторые параллели. Вот эти совпадения:

Троцкий

1) Ленин «суровый реалист, профессиональный революционер, разрушитель романтики... никак уже не приходится герою Данко сродни» (43).

2) «В результате не революционного, а обывательского морализирующего подхода ленинский образ, столь исключительно цельный, оказывается у Горького *расколотым*» и наделенным «столь высоко почитавшимся в свое время “большой совестью”, этим драгоценным нарывом староиинтеллигентского радикализма» (45).

3) Горький «изображает этого атлета революционной мысли не только аскетическим подвижником, но, что еще хуже, *типичным русским интеллигентом*... Это уж клевета...» (45).

4) «Горький не без запоздалой кокетливости рекомендует себя “*сомнительным марксистом*”, который плохо верит в разум масс вообще, в разум крестьянских масс в особенности» (46).

5) «Горький, как мы узнали от него, упрекал Ленина в том, что тот “*упрощенно понимал драму бытия*”».

Редакторы ГИЗа

«Наиболее выпукло выражены романтически-идеалистические тенденции автора» (Нерадов).

«Подход к личности Ильича — метафизически обывательский... Из-под пера Горького он выглядит *полуразмягченным интеллигентом*» (Нерадов).

«Мы не хотели бы также Вашими устами утверждать в рабочем читателе мнение, что Ленин “был *типичным русским интеллигентом*”» (Халатов).

«Совершенно не своевременны Ваши самообвинения в том, что Вы “*очень сомнительный марксист*” и, что Вы “расходитесь с коммунистами” по основным вопросам. Мы бы не хотели вооружать своих врагов такими Вашими устаревшими признаниями» (Халатов).

«Нежелательно Ваше утверждение, что “Ленин *понимал драму бытия несколько упрощенно*”» (Халатов).

Все закурсивленные места были в новой редакции убраны. Советские редакторы, задачей которых было освободить очерк «В. И. Ленин» от Троцкого, воспоминаний о нем и сопоставления с ним, полностью совпали в своих рекомендациях с его аргументами и возражениями. Троцкий очень им пригодился для этой цели. В полемике с Горьким он оказался первым критиком-марксистом, направлявшим писателя в нужное русло «исторического мышления», он давал аргументы, сработавшие в 1930 г. Горький хорошо понимал это, и присутствие Троцкого рядом с Лениным в своем тексте оставил, настаивая на первом своем варианте. Хотел быть честным перед самим собой.

Единственной темой, в которой Троцкий в своей статье и редакторы 1930 г. разошлись, оказалась тема национальная. Интернационалист и теоретик мировой «перманентной» революции, Троцкий полемизировал с Горьким, когда он, определив в характере Ленина «воинствующий оптимизм», заметил, что «это была в нем не русская черта». Реакция Троцкого: «Вот так-так! <...> Главные черты Ленина будто бы “не русские черты”. А партия большевиков, разрешите Вас спросить, русское явление или, может быть... голландское?» Троцкий даже подозревает Горького в «огульной клевете на русского человека» [46].

Халатов в письмах к Горькому, напротив, считает, что в «мало культурной» стране, где не хватает «подлинного интернационализма», лучше не пользоваться эпитетом «русский» в характеристике Ленина: «всякие подчеркивания Вами в Ленине черты “гордости Россией и русскими” несомненно будут использованы антиленинцами». Политическая причина этого опасения была на виду в советской России 1930 г. В СССР шел разгром буржуазной исторической науки (разгром работ Ключевского, Платонова, Тарле), и обвинения в великорусском национализме и шовинизме были в ходу.

В результате все претензии Халатова были учтены, и все его «замечания» приняты. Определение «русский» в характеристиках Ленина было сокращено до минимума.

В целом, очерк значительно расширился за счет новых эпизодов, в которых Ленин — действующее лицо в центре партийных дебатов и философских споров среди своих соратников и врагов блещет талантом оратора и полемиста. В оценках Ленина других персонажей четко прописана примитивно-классовая дифференциация: «наш», «не наш», «с нами — но не наш»; все, как писал Троцкий, в зависимости от «политического расчета». Романтико-идеалистические тона в его портрете были приглушены. Вычеркнуто сравнение с Данко, исчез абзац, где Ленин назван «праведником» и поставлен в ряд «тех чудовищных и неожиданных в русской истории людей воли и таланта, какими были Петр Великий, Михаил Ломоносов,

Лев Толстой»²². Ключевое горьковское «Человек с большой буквы» единственный раз встречается в новой редакции взамен пяти раз в первой редакции.

Главное же: существенно изменился общий стиль повествования, где теперь смешалась лексика Горького-художника-портретиста с лексикой, характерной для его публицистики 1930-х гг. Общечеловеческое, вне классово-окраски, освещение фигуры, сдвинулось в сторону ее политического «мирового значения». Так, в редакции 1924 г.: «Не знаю, чего больше вызывал он: любви или ненависти. Ненависть к нему обнаженно и отвратительно ясна, ее синие чумные пятна всюду блещут ярко.

Но я боюсь, что и любовь к Ленину у многих только темная вера измученных и отчаявшихся в чудотворца...»²³.

Второй абзац исчезает, в первом же введено и прописано классово-политическое качество «ненависти»: «Ненависть мировой буржуазии к нему обнаженно и отвратительно ясна, ее синие чумные пятна всюду блещут ярко... эта ненависть говорит нам о том, как велик и страшен в глазах мировой буржуазии Владимир Ленин...» [31]

Но, пожалуй, более всего в новой редакции пострадал собственный образ автора очерка. В ранней редакции диалоги с Лениным по острым политическим вопросам в 1917–1918 гг., в период горьковских «Несвоевременных мыслей», воспринимались как диалоги равных собеседников, где Горький отстаивал свой взгляд на роль интеллигенции в революции и делился сомнениями об оправданности масштаба революционных жестокостей. В очерке 1930 г. автор предстает заблудившимся учеником, с восторгом взирающим на учителя как на «художественную фигуру правды», признающим в прошлых ошибках и берущим уроки марксистской науки. «Так думал я 13 лет назад и так — ошибался...». В упомянутой выше статье Л. Иокар остроумно заметила: «Следует уточнить, что не 13 лет назад, а всего лишь два года назад Горький не считал свою оценку ленинских “тезисов” и суждения о роли интеллигенции ошибочными». Замечание Иокар относилось к гизовскому изданию очерка в 1928 г.: «Если в спорах с Лениным он еще мог отстаивать свою позицию, то полемизировать с его “наследниками” он уже не мог и вынужден был закончить вторую редакцию очерка заново приписанной фразой, что эти “наследники” “работают так успешно, как никто, никогда, нигде в мире не работал”»²⁴. На это «уже не мог» можно было бы соединить с «не хотел».

²² М. Горький. Владимир Ленин // Русский современник. 1924. № 1. С. 229.

²³ Там же. С. 239.

²⁴ См.: Иокар Л. К истории публикации первого варианта очерка «В. И. Ленин» // М. Горький и его эпоха. Материалы и исследования. Вып. 4. М., 1995. С. 89.

Надо все же сказать, что это горьковское согласие на внешнее вмешательство в его текст не характерно для писателя даже и в эти тридцатые годы. Случай все же особый, поскольку это был очерк *о Ленине*. Не допустил же он в эти же годы редакционного вмешательства в воспоминание о Л. Толстом. В письме самому И. Сталину в 1934 г. он отстаивал свою писательскую независимость: «...я с первых шагов работы в литературе привык считать и чувствовать всю ее целиком *моим личным делом*. Именно поэтому, как для издателей, так и для многих литераторов я был — и остаюсь — фигурой весьма одиозной»²⁵. В этом отношении история переработки очерка «В. И. Ленин» в 1930-е гг. — особый случай *в художественной практике писателя*. Все художественные (не публицистические) произведения писателя, созданные им в эти последние годы, служат тому подтверждением.

Подведем некоторые итоги. 22-й том Юбилейного горьковского собрания вышел в свет в первой декаде января 1931 г. Небольшие дополнения, присланные автором и не успевшие войти в том, вышли в отдельном издании: Горький М. В. И. Ленин. М.; Л., 1931. Текст этих изданий был признан каноническим, отразившим «последнюю волю автора». По правилам советской текстологии с этим было трудно спорить. Но история текста, представленная в статье, заставляет сделать вывод: излюбленная в советской текстологии идея «последней авторской воли» трещит по швам. Ее не может быть, пока есть государственная цензура. Есть творческая воля автора. В нашем случае она столь различно проявилась и в 1924, и в 1930 г., лишняя раз убеждая в том, что важнейший фактор решения в этих случаях — исторические обстоятельства, в которых творит писатель, его *время*. *Время* — соавтор писателя. Иногда писатель сосуществует с ним в относительном ладу, иногда в соотносительном также разногласии, а то и в остром конфликте.

В 1924 г., после известия о смерти Ленина, время было соавтором, способствовавшим рождению горьковского мемуара, который вызвал международный резонанс. Не только русская, но и иностранная пресса бросилась предлагать свои страницы воспоминаниям о человеке, сыгравшем великую роль в истории России и всего человечества. Горьковский очерк получил одобрение у таких писателей Запада, как Стефан Цвейг, Ромен Роллан и др.

Востребованность нового образа Ленина в 1930 г, была другого свойства и другой природы, и объяснялась, прежде всего, политической обстановкой в стране.

Как печатать очерк Горького о Ленине сейчас, скажем, в новом горьковском академическом издании? Представляется, что необходимо

²⁵ Спиридонова Л. М. Горький: новый взгляд. М., 2004. С. 146.

ознакомить читателя с полными текстами обеих редакций. Если говорить о критерии художественной ценности при выборе основного текста, то следует печатать редакцию 1924 г. по беловому автографу, сверенному с изданиями 1927–1928 гг. Этот текст является наиболее *достоверно-авторским*. Текст второй редакции нельзя признать таковым. Сохранившиеся источники, — авторизованные машинописи, — несомненно содержат следы цензурско-редакторской правки, привнесенной извне, но принятой автором и во многом смешавшейся с его собственной последней работой над текстом, и оттого не поддающейся расслоению. Возникновение второй редакции — исторически характерный эпизод союза писателя Горького со своим временем в начале 1930-х гг.

Комментаторы 20 тома последнего академического горьковского собрания в 1974 г. не имели возможности даже указать источник, по которому публикуется текст. Правильнее, поэтому, печатать очерк «В. И. Ленин» по отдельной брошюре 1931 г., запечатлевшей последний этап авторской работы. Этот текст на протяжении более полувека существовал уже как текст единственный. Дело издателей решать, печатать ли две редакции в основном корпусе или одну из них в разделе «Другие редакции». Первое решение представляется более правильным. В этом случае редакция 1924 г. будет новой публикацией произведения художника Горького, поздняя же редакция 1930 г. — публикацией особого, как бы смешанного, типа и жанра художественно-публицистического творчества позднего Горького.

